

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ Ў ГІСТАРЫЧНАЙ ПРАСТОРАЎ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

И. С. Благущ

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ: УРОКИ ГЕРМАНИИ

Ключевой тенденцией развития современной мировой экономики принято считать постиндустриализацию – формирование отраслевой структуры с доминированием сектора услуг (третичного сектора) и возрастанием роли наукоемких и высокотехнологичных производств, показатели динамики которых превосходят индикаторы традиционного индустриального сектора. Именно сфера информационных, интеллектуальных, деловых и иных услуг, а также развивающиеся на основе новых знаний наукоемкие отрасли промышленности, концентрирующие значительную долю вновь созданной стоимости на конечных звеньях технологических цепочек, обеспечивают основу устойчивого экономического роста и лидерство на высокодоходных динамично расширяющихся сегментах мирового рынка. Начавшийся в середине XX в. в развитых странах переход от индустриального общества к постиндустриальному, по мнению широкого круга авторов, «набирает силу и, вероятно, будет оставаться главной тенденцией в мировой экономике начала XXI в., распространяясь на все страны» [1, с. 12].

Принято считать, что постиндустриальная, или информационная эра наступает в результате длинной цепи технологических перемен. Существует так называемая «технологическая лестница», которая включает следующие ступени:

- 1) сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность;
- 2) легкая промышленность: текстильная, обувная и т.д.;
- 3) тяжелая промышленность: металлургия, судостроение, автомобилестроение, машиностроение;
- 4) «высокие технологии»: измерительные приборы, оптика, микроэлектроника, компьютеры, телекоммуникации;
- 5) отрасли, базирующиеся на научных достижениях будущего, – биотехнологиях, материаловедении, космических исследованиях и т.д.

Автор теории технологических укладов в России С. Ю. Глазьев и другие авторы, развивающие идеи длинноволновой динамики Н. Кондратьева, считают исчерпанным лидерский потенциал индустриальной отраслевой структуры экономики, соответствующей четвертому техно-технологическому укладу (ее формируют автомобилестроение и тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, органическая химия, производство синтетических материалов, добыча и переработка нефти), ограничивая временные рамки ее доминирования 1980–1990-ми годами [2, с. 8].

Процесс активной индустриализации, начавшийся в XVIII в., принято считать завершенным: в развитых странах – к середине XX в., а в большинстве постсоветских и некоторых развивающихся странах – к концу прошлого тысячелетия. Высокоразвитые страны в основном осуществили переход к информационной экономике, основу отраслевой структуры которой составляют третичный сектор, а в сфере материального производства – электронная промышленность, производство вычислительной техники, роботостроение, телекоммуникации, высокотехнологичная энергетика аэрокосмическая и фармацевтическая отрасли, по прогнозам, способные обеспечивать глобальное технологическое и экономическое лидерство до 2030–2040-х годов.

Ускоренная модернизация отраслевой структуры на основе техники и технологий 5-го, 6-го и 7-го поколений, сопровождающаяся сокращением, свертыванием или трансграничным переносом индустриальных производств, и определяют сегодня, по мнению значительной части экспертного сообщества, возможности технологического и экономического лидерства стран и регионов, позволяя обеспечить успешное решение проблем продовольственной, энергетической, экономической, экологической безопасности.

Теория постиндустриального общества сформировалась в 1960–1970-е годы в развитых странах. Подавляющее большинство исследователей называли в качестве его главных признаков не только существенное ускорение научно-технического прогресса и развитие сектора услуг, но и снижение роли материального производства, уменьшение его доли в валовом внутреннем продукте (ВВП). «Постиндустриальное общество, – утверждал один из создателей концепции постиндустриализма Дж. Белл, – это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни...» [3].

По мнению российского исследователя Б. Иноземцева, «теория постиндустриального общества стала фактически единственной социологической концепцией XX века, в полной мере подтвержденной исторической практикой. Как и было предсказано ее создателями, общество массового потребления породило сервисную экономику, а в ее рамках наиболее быстрыми темпами стал развиваться информационный сектор хозяйства. Западные общества, находившиеся в момент становления основ данной концепции в глубоком кризисе, вновь восстановили свой статус лидеров мирового развития, одержав убедительную победу над стагнирующими индустриальными державами» [4, с. 3–4].

И в России, и в Беларуси сегодня существует достаточно много сторонников идеи, что постиндустриальный мир является «единственным полюсом хозяйственной мощи» и «современное общество может и должно рассматриваться именно как постиндустриальное» [4, с. 104].

Действительно, показатели доли третичного сектора в ВВП наиболее существенны именно в развитых странах, тем не менее, даже в группе G7

между лидерами постиндустриализации (Великобритания и США) и замыкающими рейтинг экономиками (Япония, Германия) наблюдается существенный разрыв в их значениях (в диапазоне 10,9–11,1 %) (табл. 1).

Лидерами по темпам и масштабам осуществления постиндустриальной трансформации отраслевой структуры являются США, где доля промышленности в ВВП в 2017 г. составила всего 18,9 %, а сфера услуг сформировала 80,2 % валового внутреннего продукта, и Великобритания с показателями 19 и 80,4 % соответственно [5].

Таблица 1

Отраслевая структура ВВП стран G7 в 2017 г. [5]

Позиция в рейтинге по доле третичного сектора в ВВП	Страна	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
1	Великобритания	0,6	19	80,4
2	США	0,9	18,9	80,2
3	Франция	1,6	19,4	78,9
4	Италия	2,1	24	73,9
5	Канада	1,7	28,1	70,2
6	Япония	1	29,7	69,3
7	Германия	0,6	30,1	69,3

В США процесс деиндустриализации начался в середине 1960-х. В период президентства Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего сталелитейная отрасль теряла ежегодно 6,1 % работников, металлообработка – 4,5 %, автомобилестроение и производство оборудования – 1,5 %, швейная и текстильная промышленность – 2 %. В итоге было ликвидировано почти 2 млн. рабочих мест в обрабатывающих отраслях и 0,5 миллиона – в горнодобывающих. Если в 1997 г. в американской промышленности было занято около 17,5 млн. человек, то после двух волн обвального падения индикатора во время циклических кризисов 2000–2003 и 2008–2009 гг. – всего 12 млн [6]. Общая численность занятых в экономике около 143 млн. человек соответствует доле в 8,4 %.

Индустриальная занятость в США замещалась созданием рабочих мест в третичном секторе: в период между 1990 г. и 2008 г. появилось 27 млн. новых рабочих мест, из которых 40 % – в госсекторе и здравоохранении, остальные – в розничной торговле, строительстве, гостиничном и ресторанном бизнесе. В целом, 98 % создаваемых вакансий пришлось на «неторгуемый» сектор, производящий товары и услуги для внутреннего рынка. К 2008 г. в американском здравоохранении трудилось больше населения, чем в промышленности, при этом на правительство работало на 6 млн больше занятых, чем на здравоохранение (22 млн. против 16 млн.) [6].

При этом в экспортном секторе промышленность не была и не могла быть замещена сферой услуг. Американский экспорт быстро рос, но все очевиднее отставал от импорта. Промышленность, проигрывая внутренний рынок, не могла компенсировать этот проигрыш на рынке внешнем: отрицательное сальдо торговли промышленными товарами за период 1992–2008 гг. увеличилось вчетверо. Торговый баланс США, сводившийся с дефицитом с 1976 г., в 1997 г. составлял примерно 100 млрд долл., к 2000 г. приближался к 400 млрд, в 2007–2008 гг. достиг 700 млрд долл.; в 2017 г. – 811,2 млрд долл. [7]. Отрицательный торговый баланс породил отрицательный платежный, покрываемый за счет внешних кредитов и эмиссии доллара.

Деиндустриализация привела к изменению показателей и структуры внутреннего спроса, который традиционно считался сильной стороной экономики США, поскольку снижал ее зависимость от конъюнктурных колебаний на внешних рынках. Зарплаты в сфере услуг – в среднем почти в полтора раза ниже, чем на производстве, поэтому сжатие промышленности сопровождалось стагнацией или снижением реальной зарплаты: достигнув максимума в 1970-х, она снизилась к середине 1990-х и после непродолжительного роста во второй половине 1990-х – начале 2000-х вновь упала до прежнего уровня. При этом увеличивался и разрыв в доходах: в сфере услуг распространена временная и частичная занятость, гигантский рост которой наблюдался два последних десятилетия, профсоюзное движение развито слабее. В результате, начиная со времен президентства Р. Рейгана, американский внутренний спрос рос за счет все более доступных кредитов, приведя к ипотечному и финансовому кризису 2007–2008 гг., предшествовавшему глубокой экономической рецессии 2009 г.

Великобритания по масштабам деиндустриализации превзошла любое другое крупное государство мира: еще в XIX–XX веках заслуженно считавшаяся «мастерской мира», сегодня она стала центром банковских, страховых, финансовых, деловых, торговых услуг. За последние 30 лет, прошедших под знаком экономической модернизации, британская промышленность уменьшилась в размерах на две трети: по оценкам экспертов, в стране осталось только несколько крупных производителей, не имеющих существенного значения.

Основными темами дебатов в британских экономических кругах являются сегодня резкое увеличение дифференциации доходов, беспрецедентный долгосрочный, а не конъюнктурный рост безработицы и глубина и продолжительность экономического спада. Представления о том, что времена тяжелой промышленности и физического труда ушли навсегда, что задача правительства – не мешать рынку устанавливать отраслевые пропорции и открыть его для глобальных игроков, создавая режим свободной конкуренции, подвергаются все более острой и аргументированной критике.

«Теперь уже ясно, что блестящие перспективы постиндустриального будущего так и не материализовались. То, что элитами власти Великобритании со времен М. Тэтчер подавалось как экономическая модернизация, в сущности, привело к упадку отраслей промышленности, на смену которой часто не приходило ничего», – отмечал колумнист *The Guardian* А. Чакраборти в 2011 году, подчеркивая, что более консервативные в вопросах отраслевой трансформации немцы и французы смогли сохранить свои промышленные бренды – *Mercedes* и *Miele*, *Renault* и *Peugeot* – вместе со всеми производственными цепочками [8].

Шесть лет спустя на страницах той же *The Guardian Weekly* констатировалось, что немецкая экономика в 2016 году впервые опередила британскую по темпам экономического роста: 1,9 % против 1,8 %, войдя в первую пятерку наиболее развитых стран мира с устойчивым поступательным ростом (табл. 2) [9]. По оценкам, повышательная тенденция сохранится: аналитики *Focus Economics* прогнозируют 2,4 %-ное увеличение ВВП Германии в 2018 г. и не менее чем 2,0 %-ное в 2019 г. [10].

При этом абсолютное значение ВВП страны, оцениваемое по паритету покупательной способности на уровне 4,171 трлн долл., позволило Германии в 2017 году стать четвертой экономикой мира, уступив первые три позиции США (19,391 трлн долл.), Китаю (23,159 трлн долл.) и Японии (5,429 млн долл.) [11].

Т а б л и ц а 2

Экономический рост в странах G7 в 2016 г. [9]

Позиция в рейтинге по годовому приросту ВВП	Страна	Темп экономического роста (%)
1	Германия	1,9
2	Великобритания	1,8
3	США	1,6
4	Япония	1,4
5	Канада	1,3
6	Франция	1,2
7	Италия	0,7

Германия позже, чем Великобритания, Франция и США, вступила в стадию промышленного переворота, однако уже в первой половине XX в. заняла второе место в мире по производству стали, автомобилей и самолетов, и первое – по производству продукции химической отрасли. Существенные сдвиги в отраслевой структуре экономики связаны с реализацией послевоенного «Плана Маршалла», благодаря которому в страну поступило не только большое количество американского продовольствия и продукции легкой промышленности, но также инвестиции и кредиты, направляемые преимущественно в тяжелую промышленность – энергетику, металлургию,

тяжелое машиностроение, химическую промышленность. В 1950–1957 гг. объем промышленного производства ФРГ увеличился в 2 раза (в США – только на 27 %, Великобритании – 22%, Франции – 64 %), а экспорт вырос в 4,3 раза, что заставило говорить о «немецком экономическом чуде» [12, с. 137]. К концу 1950-х Германия занимала первое место в Западной Европе по выплавке стали и чугуна, производству серной кислоты, каустической и кальцинированной соды, азотных и калийных удобрений, синтетического каучука, тракторов, автомобилей, судов, при этом производительность труда в промышленности ФРГ была выше, чем у ее конкурентов.

Одним из важнейших факторов развития экономики Германии в этот и последующий периоды стало ее активное участие в европейских интеграционных процессах: страна получила от объединения больше выгод, чем другие члены ЕЭС. Устранение торговых препятствий, открытие границ вследствие отмены тарифов и квот предоставили промышленности ФРГ новый стимул, способствовали экспансии немецких товаров на западноевропейские рынки.

В группе наиболее развитых стран, относящихся к «Большой семерке», Германия выделяется самой высокой долей промышленности в ВВП – 30,1 % [5]. В мировой экономике она до сих пор позиционируется как один из ведущих производителей продукции традиционных индустриальных отраслей – металлургии, тяжелого машиностроения, автомобилестроения, производства станков, точной механики, локомотивов, металлообрабатывающей техники, химической продукции и т.п.

Промышленность Германии отличается не только высоким уровнем концентрации производства (крупные предприятия, которые составляют только 2 % от общего числа, охватывают 30 % всех занятых в промышленности и производят половину продукции), но и конкурентоспособностью на мировом рынке. 500 крупнейших промышленных компаний страны, среди которых автомобильные более 80 % своих доходов генерируют за рубежом, увеличив их за последние 10 лет на 7 %. Прирост их выручки только в 2015 году составил 146,8 млрд евро, причем 59 % этой суммы обеспечили автомобильные концерны [13].

ФРГ в большей мере, чем другие страны «Большой семерки», зависит от состояния мирового рынка: ее экспортная квота в 2016 году составила 46,1 %, в то время как в США – 11,9 %, Великобритании – 28,3 %, Франции – 29,3 %, Канаде – 31%. К 2017 доля экспорта товаров и услуг в ВВП Германии еще больше увеличилась и достигла 47,3 % [14].

Супериндустриализация экономики не помешала Германии сохранить положительную динамику индикаторов внешней торговли. По абсолютной величине экспорт страны в последнее десятилетие прирастал в среднем на 4,3 % в год, в то время как ВВП – на 2,8 %. Товарный экспорт экономики, являющейся третьим мировым экспортером, в 2016 г. составил 1,308 трлн долл., что в G7 соответствует второй позиции после США (1,456 трлн долл.) и существенно превышает уровни индикатора для Великобритании (407,7 млрд долл.), Франции (506,9 млрд долл.), Италии (453,6 млрд долл.) [14].

Товарная структура внешней торговли Германии по-прежнему характеризуется высокой долей машин и оборудования, локомотивов, продукции автомобилестроения, металлургии, химической, текстильной, пищевой промышленности. Тем не менее торговый баланс страны остается положительным (+296,8 млрд долл), в то время как у США, Великобритании, Франции, активно осуществлявших постиндустриальную трансформацию экономики и наращивавших долю сферы услуг в ВВП, он отрицателен (-752,5; -182,9 и -30,2 соответственно) [14].

Германия уже сейчас занимает лидирующие позиции на мировом рынке по объему продаж товаров «высокого качества» главным образом за счет индустриальных отраслей: машиностроения, электротехники, автомобильной и химической промышленности (по принятой в стране методике, продукт считается техникой «высокого качества», если доля НИОКР в его стоимости составляет от 3,5 до 8,5 %, если показатель превышает значение 8,5 %, то речь идет уже о технике «высшего качества»).

Новый проект реиндустриализации национальной экономики «Индустрия 4.0», предложенный федеральному правительству в 2012 г. Исследовательским Союзом Германии и реализуемый в рамках плана «Хай-тек стратегия 2020», предусматривает достижение прорыва в области использования информационных технологий для нового качества индустриального развития. В отличие от США, где IT-технологии используют для расширения возможностей третичного сектора, Германия ставит задачу подключения к сети комплексов промышленного оборудования и целых производств, что позволит добиться соединения традиционно сильных позиций страны в области индустрии с новейшими достижениями в области информатизации.

Новое направление развития немецкой промышленности знаменует собой четвертую индустриальную революцию, сменившую третий этап преобразований, связанный с развитием в 1960-70-е годы числового программного управления (ЧПУ) и микропроцессоров. Проект «Индустрия 4.0» базируется на идеях «интернета вещей» (*Internet of things*) и «киберфизических систем» (*Cyber-Physical Systems*). Речь идет о подключении компонентов производственной системы с использованием технологий искусственного интеллекта к сети Интернет, что позволит машинам понимать свое окружение и коммуницировать между собой, а также с логистическими и бизнес-системами поставщиков и потребителей по единому сетевому протоколу. Производственное оборудование, получая сведения об изменившихся требованиях, сможет само вносить корректировки в технологический процесс. В результате производственные системы приобретут способность к самооптимизации и самоконфигурации, оборудование будет осуществлять самодиагностику, что позволит добиться повышения гибкости и индивидуализации продукции и реализовать идею массового производства по индивидуальным заказам, снизив при этом цену продукции.

Таким образом, вопреки тиражировавшемуся десятилетиями представлению о том, что магистральный путь экономической модернизации лежит исключительно через стимулирование наиболее перспективных секторов в сфере услуг и поэтапное свертывание материального производства, Германия не только сохранила индустриальный промышленный сектор, но и обеспечила его конкурентоспособность, интегрировав в производственные системы новейшие технологии. Вместо массивной деиндустриализации Германия предложила стратегию реиндустриализации экономики, доказав ее преимущества значениями ключевых макроэкономических индикаторов.

Мировой финансово-экономический кризис 2007–2008 годов, возникновение которого в значительной мере было связано с чрезмерным разрастанием финансового сектора и его спекулятивной составляющей, низким уровнем прозрачности и управления рисками, нанес серьезный удар по идеологии постиндустриализма. Именно промышленному сектору с подачи Германии отводится сегодня роль драйвера экономического роста в ЕС. В январе 2014 г. Еврокомиссией было опубликовано специальное коммюнике «За европейский промышленный ренессанс», предлагавшее принятие безотлагательных мер для возрождения европейской промышленности.

Новый взгляд на развитие промышленного сектора демонстрируют в последние годы и в странах-лидерах постиндустриализации. В США в 2014 году был создан некоммерческий консорциум промышленного Интернета *Industrial Internet*. В Японии активно обсуждают собственные концепции подключенных к сети фабрик (*Connected Factories*) для повышения конкурентоспособности своей индустрии, в Китае принята доктрина «Китайское производство 2025», в рамках которой поставлена задача последовательно довести уровень промышленности от 2.0 до 3.0, а затем – совершить прорыв к уровню индустрии 4.0.

Уроки Германии, продемонстрировавшей стратегические возможности реиндустриализации, представляют ценность и для Беларуси, активно развивающей экспортоориентированный ИТ-сектор на основе аутсорсинговой модели, пока не ориентированной в достаточной степени на внутренний рынок и решение задач системной модернизации промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дидюля, Л. В. Международная экономика: курс лекций / Л. В. Дидюля. – Гродно: ГГАУ, 2010. – 81 с.
2. Глазьев, С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики / С. Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2 (57). – С. 8–27.
3. Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society (1) / D. Bell // National Affairs. – 2018. – No. 35. – P. 24–37.
4. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М. : Логос, 2000. – 132 с.

5. GDP Composition by Sector of Origin 2017 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-fact-book/fields/2017.html>. – Date of access : 24.03.2018.
6. Деиндустриализация Америки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/41476>. – Дата доступа : 25.03.2018.
7. USA 2018 Countries Statistical Profiles: Key Tables from OECD [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.oecd-library.org/csp-usa-table-2018-2-en.pdf>. – Date of access : 26.03.2018.
8. Западная Европа: деиндустриальная революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sd.net.ua/2011/11/24/zapadnaya-evropa-deindustrialnaya-revoluciya.html>. – Дата доступа : 25.03.2018.
9. Germany Overtakes UK As Fastest-Growing G7 Economy [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.theguardian.com/world/blog/2017/feb/23/Germanys-gdp-shows-19-rise-over-last-year>. – Date of access : 23.03.2018.
10. FocusEconomics: Germany Economic Outlook [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.focus-economics.com/countries/germany>. – Date of access : 23.03.2018.
11. World GDP Ranking 2017 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://knoema.com/nwnfkne/world-gdp-ranking-2017-gdp-by-country-data-and-charts>. – Date of access : 27.03.2018.
12. Экономика зарубежных стран: учебник для студентов учреждений высш. образования / С. Н. Лебедева и др.; под общ. ред. С. Н. Лебедевой, Ю. Г. Козака, С. Н. Лебедевой. – Минск : Выш. шк., 2013. – 462 с.
13. Germany Top 500: Global Grows in Times of National Focus [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.accenture.com/de-de/top-500-2017-en.pdf>. – Date of access : 27.03.2018.
14. Countries Statistical Profiles: Key Tables from OECD [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.oecd-library.org/csp-table-2018-2-en.pdf>. – Date of access : 26.03.2018.

О. В. Бригадина

«КОСМОПОЛИТЫ, ОТЩЕПЕНЦЫ И ДРУГИЕ АНТИСОВЕТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ...»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ ПО БОРЬБЕ С ИНАКОМЫСЛИЕМ В СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Победа в Великой Отечественной войне вызвала мощный подъем патриотических чувств, гордость за подвиг народа в тылу и на фронте. Личные впечатления советских людей, побывавших в зарубежных странах, ослабляли пропагандистские стереотипы об «ужасах капитализма». Союзнические отношения со странами Запада в военные годы позволяли надеяться на расширение связей и контактов после войны. Однако начавшаяся вскоре «холодная война» перечеркнула все подобные настроения. Противоборство с капиталистическим миром заставило вспомнить об уже наработанных в 1930-е гг. приемах и методах утверждения «классового подхода» в идеологическом воспитании масс. Главной мишенью